

УДК 930:314
DOI 10.17223/19988613/44/20

О.Б. Дашинамжилов, В.В. Лыгденова

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1989–2010 гг.)

Статья опубликована при финансовой поддержке гранта РНФ № 14-28-00045.

Рассмотрены изменения, происходившие в национальном составе населения Западной Сибири в 1989–2010 гг. Выявлены основные показатели динамики численности и удельного веса крупных народностей как в общем, так и в региональном разрезе. Исследованы причинно-следственные связи между важнейшими событиями в истории изучаемого экономического района, в частности, хозяйственными и политическими мероприятиями советских государственных органов и количественным составом отдельных этнических групп, а также особенности исторического генезиса последних. Изучено влияние демографических факторов на изменение национальной структуры населения Западной Сибири, в том числе миграции, естественного прироста, а также ассимиляции.

Ключевые слова: национальный состав; население; демография; Западная Сибирь; урбанизация.

Национальный состав является одним из важных демографических характеристик общества. Результаты его исследования применительно к разным территориям или регионам помогают осуществить более точный анализ численности, естественного и механического прироста населения, так как еще в советское время было установлено, что народы, находящиеся на разных этапах социально-экономического развития или демографического перехода, отличаются показателями рождаемости, смертности и миграционной мобильности. В отдельных случаях итоги изучения этнической структуры используются и для оценки внутривнутриполитической ситуации и перспектив развития административных образований, государств или межгосударственных объединений.

Постсоветской динамике российских этнодемографических процессов уделено определенное внимание. Отдельные аспекты национального состава населения в этот период рассматривались в ряде работ [1–4]. На востоке страны проблема трансформации этнической структуры (вплоть до 1989 г.) анализировалась в коллективной монографии «Население Западной Сибири в XX веке» (Новосибирск, 1997). По традиции, большое внимание национальному составу уделяли этнографы, однако в своих работах они ограничивались описанием отдельных или близких друг другу по языку и культуре групп этносов [5. С. 66–75; 6–8; 9. С. 8–27; 10; 11. С. 536–542].

Исследованию динамики национального состава восточных районов, в том числе и Западной Сибири, в постсоветский период почти не уделялось внимания. В этой связи мы попытаемся восполнить образовавшийся пробел. Основной акцент в статье сделан на исследовании демографических характеристик крупных в численном отношении национальностей. В работе не будут рассматриваться коренные народы Севера, изучение трансформации количественного состава которых в постсоветский период является темой отдельного исследования.

Источниковую базу работы составили как опубликованные, так и неопубликованные материалы Всесоюзной и Всероссийской переписей населения 1989 и 2010 гг., которые были извлечены из центральных и региональных архивохранилищ и библиотек. К большому сожалению, данные о числе рождений и смертей в постсоветский период по отдельным национальностям не были обнаружены нами ни в архивах, ни в открытых источниках. Количественные характеристики этнической составляющей миграций в региональных статистических бюллетенях также встречались довольно редко. Не удалось выявить и сведений о количестве рождений и смертей, распределенных по отдельным пятилетним возрастным когортам.

Такая информация применительно еще к советскому периоду по наиболее крупным национальностям нередко встречалась в региональных архивохранилищах, так как была обязательной для разработки государственными органами статистики. В этой связи осуществить подсчет суммарного коэффициента рождаемости или средней продолжительности жизни у отдельных народов на основе данных текущего учета и возрастного состава (по переписям населения) в рассматриваемый период не представляется возможным.

Именно поэтому практически единственными и потому особенно важными источниками о процессах воспроизводства являются данные об итоговой рождаемости женщин, ранжированные по пятилетним возрастным группам, извлеченные из 10-го тома опубликованных материалов Всероссийской переписи 2010 г. В этом томе представлена информация о среднем количестве рожденных детей каждой пятилетней когорты с 15 до 70 лет. Однако эти статистические сведения обладают двумя недостатками.

Во-первых, на одно репродуктивное поколение (15–49 лет) может приходиться сразу несколько важных исторических событий, и определить степень воздействия каждого из них на итоговое число рождений без специальных социологических замеров довольно за-

труднительно. В этом состоит отличие материалов итоговой рождаемости от суммарного коэффициента, который сразу рефлегирует все происходящие социально-экономические или политические перемены.

Во-вторых, 2010 г. является верхней границей (49 лет) репродуктивного поколения первой половины 1960-х гг. рождения. Для женщин, появившихся на свет во второй половине 1960-х гг., он еще не закончился (в 2010 г. им было 40–44 года), и формально делать выводы об их итоговой рождаемости следует позднее, уже в следующей переписи. Однако эти сведения вполне пригодны для осуществления *сравнительного* анализа рождаемости разных национальностей, что дает возможность с указанными оговорками использовать данные, опубликованные для 40–44 и 45–49-летних (1966–1970 и 1961–1965 гг. рождения) возрастных когорт.

Что касается смертности, то рассчитать среднюю продолжительность жизни не позволит источниковая база. Вместе с тем различия между этносами за послевоенный период, судя по всему, существенно нивелировались, хотя по-прежнему имели место [12. С. 134–135]. В этой связи анализ численности отдельных национальностей в рассматриваемый период будет нами производиться в основном исходя из статистических сведений о рождаемости, миграции и ассимиляционных процессах.

В демографическом развитии Западной Сибири, как восточных районов в целом, особую роль играла экономическая политика центральных государственных органов. Богатые природные и большие земельные ресурсы, малая плотность населения и сравнительно близкое географическое расположение к культурно-хозяйственному «ядру» страны (в сравнении с Восточной Сибирью и Дальним Востоком) создавали широкие возможности для хозяйственного освоения. Строительство Транссибирской магистрали, аграрное переселение, индустриализация, насильственные депортации, Великая Отечественная война и эвакуация предприятий из европейских районов страны обеспечили мощный приток мигрантов и рост численности местного населения. В послевоенный период вплоть до 1989 г. экономическое развитие Советского Союза протекало более последовательно, в течение нескольких десятилетий страна не знала крупных социальных катаклизмов и войн. В этой связи экстремальные факторы уже не оказывали влияния на динамику численности жителей Западной Сибири, а приток мигрантов обеспечили государственная политика в области заработной платы и масштабное освоение северных нефтегазовых районов. Под влиянием вышеназванных исторических событий также менялся и национальный состав населения.

Попытка социально-экономической и политической модернизации нашей страны в конце XX в. оказала огромное влияние на процессы народонаселения. Перестройка хозяйственного уклада во второй половине 1980-х гг. и рыночные преобразования 1990-х гг. привели к масштабным структурным изменениям во всех

сферах жизни общества, произошел распад Советского Союза на ряд независимых государств. В истории западносибирских регионов этот период также занимал важное место. В связи с тем что в освоении и заселении восточных территорий, особенно в советский период, определяющую роль играла политика центральных государственных органов, снижение инвестиционной активности и свертывание практически всех программ хозяйственного развития в 1990-е гг. сразу же сказались на функционировании многочисленных индустриальных центров, созданных за прошедшие годы. Из зауральских районов начался отток населения, как и по России в целом увеличилась смертность и снизилась рождаемость [13. С. 150–154].

В первом десятилетии XXI в. государственная политика в отношении зауральских районов стала приобретать иные черты. На центральном уровне вновь была признана необходимость продолжения курса, направленного на хозяйственное освоение востока России, однако его практическая реализация натолкнулась на дефицит человеческих, материальных и финансовых ресурсов. Собственная демографическая база восточных районов была ослаблена миграциями и отрицательным естественным приростом, размеры которого, например в Сибири, были отрицательными вплоть до 2008 г. [14. С. 76–77]. Для решения новых практических задач правительство было вынуждено привлечь негосударственные российские и зарубежные инвестиции, а также иностранную рабочую силу. Итак, рассмотрим, какие же изменения произошли в национальной структуре населения экономического района за годы системных преобразований.

В 1989–2010 гг. впервые за долгое время численность жителей восточных районов уменьшилась. Материалы Всероссийской переписи 2010 г. показали, что население Западной Сибири за 20 с лишним лет сократилось с 15 013,2 до 14 475,8 тыс. чел., или на 3,6%, что произошло впервые за долгое время, тогда как по России в целом население сократилось только на 2,8% [15. С. 28, 35; 16. С. 16, 18].

Количественное представительство **русских** в Западной Сибири снизилось на 4,5% (в России – на 7,4%). Удельный вес в населении сократился, но не намного – с 84,9 до 84,1%. Дело в том, что, во-первых, благодаря возрастной структуре, которая была моложе, чем в европейских регионах страны, снижение показателей естественного прироста оказалось меньшим [17. С. 40. С. 47; 18. С. 57, 64; 19. С. 61–68; 20. С. 61]. Во-вторых, удобное территориально-географическое положение на пересечении миграционных потоков, устремившихся в постсоветское время из восточных (Восточная Сибирь, Дальний Восток) и южных (Казахстан и Средняя Азия) регионов, помогло западносибирским районам компенсировать часть демографических потерь (перемещалось в основном русское и русскоговорящее население). По нашим подсчетам, приток населения в экономический район

за 1989–2010 гг. составил 270,9 тыс. чел., который, главным образом, пришелся на 1990-е гг. В-третьих, численность русских пополнилась за счет ассимиля-

ционных процессов, ускорившихся в 1990-е гг. у других народов, проживающих на территории Западной Сибири.

Таблица 1

Национальный состав населения Западной Сибири согласно Всесоюзной переписи 1989–2010 гг., тыс. чел.

Этнос	1989 г.	2010 г.
Русские	12749,1	12174,5
Украинцы	583,8	297,9
Белорусы	113,2	51,3
Татары	398,6	370,5
Чуваши	79,9	47,1
Мордва	42,3	18,2
Башкиры	52,1	52,9
Марийцы	16,1	14,9
Удмурты	17,1	9,9
Немцы	416,5	184,9
Поляки	12,5	7,6
Латыши	8,4	3,4
Литовцы	6,0	2,6
Эстонцы	9,8	4,7
Казахи	130,2	132,1
Алтайцы	67,1	72,3
Шорцы	13,2	11,1
Армяне	16,1	54,0
Азербайджанцы	35,8	71,3
Узбеки	15,2	41,4
Таджики	4,4	34,5
Киргизы	5,9	21,3
Народы Дагестана	14,1	46,2
Чеченцы	8,6	13,7
Евреи	23,3	7,5
Цыгане	10,8	12,6
Молдаване	27,0	21,4
Всего	15013,2	14475,8

* Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 204. Л. 1–6; Д. 215. Л. 1–6; Д. 219. Л. 129–134; Д. 220. Л. 88–93; Д. 224. Л. 71–76; Д. 225. Л. 1–6; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года : В 11 т. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 1. М. : ИИЦ «Статистика России», 2012. С. 107, 108, 113, 114, 117–119, 124–130.

Поступательный рост количественного представительства **украинского** этноса, наблюдавшийся в 1959–1989 гг., прекратился в постсоветский период. За годы системных преобразований численность народа в России уменьшилась более чем наполовину (–55,8%), в Западной Сибири – на 49%. Распад Советского Союза, трансформация прежде межреспубликанских миграционных связей в международные сократили размеры притока украинцев из районов их преимущественного расселения. В последующие годы, несмотря на восстановление положительного баланса миграционного обмена между Россией и Украиной, из-за ассимиляционных процессов численность украинского народа продолжала снижаться.

Число украинцев, признавших в ходе переписи 2010 г. в качестве родного русский язык, значительно выросло. Даже в Тюменской области, где в 1989 г. проживало наибольшее число лиц, лишь недавно прибывших из Украины, доля украинцев с родным русским языком достигла 63,9% (1989 г. – только 35,5%), в

Кемеровской области – 81,9% (1989 г. – 60,1%), Новосибирской – 81,4% (66,7%), Омской – 89,7% (72,7%), Томской – 78,4% (57,3%), Алтайском крае – 89,6% (71,9%). За постсоветский период количественная концентрация этноса в Тюменской области еще более выросла. Если в 1989 г. здесь проживали 44,6% всех украинцев Западной Сибири, то в 2010 г. – уже более половины (52,8%). Высокое значение ассимиляции косвенно подтверждается итоговой рождаемостью, которая у украинцев была выше, чем у русских (табл. 2), что вместе с миграцией вообще должно было привести если не к росту представительства народа, то хотя бы к определенной его численной стабилизации.

Еще одним интересным подтверждением широкого распространения процессов замены этнической самоидентификации является количество смешанных брачных союзов. Выбор национальности детей от этих браков зависел от многих факторов, но прежде всего от численно и культурно доминирующего этноса [21. С. 5]. К большому сожалению, нам не удалось обнару-

жить таких данных за постсоветский период, однако уже статистические материалы конца 1970-х гг. показывают, что доля моноэтнических брачных союзов у украинцев Западной Сибири была довольно низкой. Так, например, в Кузбассе в 1979 г. из 845 браков, в который вступили украинцы-мужчины, только 71 (8,4%) являлся моноэтническим (с супругой – украинкой), у женщин – 9,9% (с супругом – украинцем). В других регионах было отмечено похожее положение: в Новосибирской области – 16,1 и 19%, в Томской – 6,7 и 10,4%, Тюменской – соответственно 15,6 и 23,4%. Следует предположить, что и в постсоветское время эта тенденция не только не ослабела, но даже усилилась.

Практически те же демографические процессы происходили у **белорусов**, количество которых уменьшилось в Российской Федерации на 56,8%, в Западной Сибири – на 54,7%. Сокращение белорусского населения меньше всего затронуло Тюменскую область (–39,5%), за счет чего ее удельный вес в общем численном представительстве народа возрос с 43,3 до 50%.

Численность **татар** за 20 с лишним лет в Западной Сибири снизилась на 7,1% (в России в целом – на 3,8%). Причем демографическая убыль была отмечена во всех административных образованиях рассматриваемого экономического района за исключением Тюменской области (+5,5%). В результате удельный вес татар, проживавших в этом регионе, повысился с 57% в 1989 г. до 64,8% в 2010 г. Уровень итоговой рождаемости у них был несколько выше, чем у украинцев (табл. 2). На основе произведенных расчетов по регионам Западной Сибири (без Алтайского края) она составила у 45–49-летних – 1 893, 40–44-летних – 1 778 детей на 1 000 женщин. Кроме этого, как показывают данные текущего учета, некоторое число татар прибыло в экономический район из ближнего зарубежья, прежде всего из Казахстана и Узбекистана.

Наиболее вероятным объяснением снижения численности татарского населения (не считая сокращения естественного прироста) является повышение интенсивности ассимиляционных процессов, которые прежде носили умеренный характер, о чем косвенно свидетельствуют данные переписей о родном языке. В постсоветский период, несмотря на возрождение национальной культуры, доля татар, признавших родным русский язык, в Западной Сибири увеличилась. Так, если в 1989 г. в Новосибирской области она составляла 30,9%, то в 2010 г. – 45,8%, в Омской – 18,9 и 33,9%, Томской – 31,3 и 46,8%. Даже в Тюменской области этот показатель вырос до 29,2% (с 17,8%). Наиболее высокий удельный вес татар, признавших русский язык в качестве родного, был отмечен в Кемеровской области (60,1%) [22. С. 131]. Скорее всего, увеличилось и число полиэтнических браков, доля которых и раньше была довольно велика.

Этнодемографическое развитие **мордвы** и **чувашей** в Западной Сибири стало иметь больше сходства с белорусами и украинцами. При сравнительно высокой итоговой рождаемости, превышающей таковую у рус-

ского населения, и небольшой внешней миграционной подпитке количественное представительство вышеназванных этносов в Западной Сибири сократилось на 56,9 и 41% соответственно, по России в целом – на 30,6 и 19%. Трансформация этнического самоопределения у них протекала интенсивнее, чем у татар. Например, в Кемеровской области русский язык в качестве родного признали 72,2% (1989 г. – 52,8%), а в Томской – 68,6% (50,8%) чувашей. К сожалению, мы не располагаем данными о языковых предпочтениях мордовского населения, но можно с высокой долей уверенности утверждать, что его ассимиляция шла даже более активно. Как и в случае с украинцами, белорусами и татарами, численная концентрация рассматриваемых народов в Тюменской области за 20 лет только увеличилась. И, если в 1989 г. в этом регионе проживали соответственно только 26,4% мордвы и 39,1% чувашей Западной Сибири, то в 2010 г. – уже 40,8 и 54,5%.

Что касается других этносов, преимущественно проживающих в Поволжье, позднее массово подключившихся к процессу хозяйственного освоения Западной Сибири – **башкир**, **удмуртов** и **марийцев**, то динамика их численности оказалась следующей. Процесс смены этнической идентичности активнее шел у удмуртов и марийцев, медленнее – у башкир. В частности, в Томской области русский язык родным признали 73,1% удмуртов, 66,8% марийцев и только 42,9% башкир, в Омской – 76,9; 66 и 51,1% соответственно. В Тюменской области доля марийцев, признавших родным русский язык, составила 43,7%, башкир – 30,6%.

В итоге численность западносибирских удмуртов за 1989–2010 гг. сократилась больше всего – на 42,2%, марийцев – на 7,8%, при этом башкир стало больше на 1,4%. Масштабы демографической убыли в целом по России оказались ниже, так как в регионах преимущественного расселения ассимиляционные процессы шли медленнее. Представительство этих народов в нефтегазовых районах и прежде было высоким, а за 20 лет увеличилось еще больше. Так, удельный вес башкир, живущих в Тюменской области, повысился с 78,7% в 1989 г. до 87,7% в 2010 г., удмуртов – с 41,4 до 51,6%, марийцев – с 55,9 до 74,2%.

Особенно высокими масштабами снижения численного состава отличались национальности, которые условно можно отнести к европейскому культурно-цивилизационному типу. Так, в Западной Сибири более чем наполовину снизилось количественное представительство **немцев** (–55,6%), **литовцев** (–57,3%), **латышей** (–59,2%), **эстонцев** (–52,4%), наименьшая убыль отмечена у **поляков** (–39,5%). Подобная динамика соответствовала демографическим тенденциям, сложившимся у этих народов по России в целом. Среди всех регионов Западной Сибири сведения о родном языке прибалтийских народов и поляков были обнаружены нами только в Томской области. Так, в 2010 г. русский в качестве родного здесь признали 80,1% латышей, 80,2% литовцев

и 93,7% поляков, и только среди эстонцев этот показатель был значительно меньшим – 57,8%. Источниковая база по немецкому населению в силу его многочисленности представлена намного лучше. В сред-

нем по Западной Сибири 88,0% немцев назвали русский родным языком. Таким образом, ассимиляционные процессы среди рассматриваемых народов шли довольно интенсивно.

Таблица 2

Итоговая рождаемость отдельных национальностей 1961–1965 гг. и 1966–1970 гг. рождения (количество детей на 1000 женщин)*

Возраст	Российская Федерация	Алтайский край	Республика Алтай	Кемеровская область	Новосибирская область	Омская область	Томская область	Тюменская область	Западная Сибирь
Все население									
40–44	1637	1643	2172	1621	1586	1664	1643	1763	1670
45–49	1761	1826	2265	1768	1754	1854	1794	1882	1825
Русские									
40–44	1542	1623	1973	1606	1560	1614	1635	1684	1622
45–49	1675	1805	2084	1756	1735	1808	1786	1827	1787
Украинцы									
40–44	1664	1805	2044	1713	1700	1775	1724	1676	1708
45–49	1776	1991	1920	1793	1864	2011	1816	1764	1833
Татары									
40–44	1732	н.д.	1923	1589	1834	1834	1562	1803	–
45–49	1833	н.д.	1786	1746	1910	1933	1766	1919	–
Чуваши									
40–44	1839	н.д.	н.д.	1731	н.д.	1715	1919	1749	–
45–49	1969	н.д.	н.д.	2000	н.д.	1944	2101	1886	–
Казахи									
40–44	1945	1904	2555	н.д.	1910	1949	н.д.	1864	–
45–49	2084	1951	2562	н.д.	2054	2128	н.д.	1995	–
Немцы									
40–44	1942	2009	2353	1941	1924	2170	1702	1886	2005
45–49	2118	2237	2333	2040	2042	2307	2068	2021	2167

* Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года : В 11 т. Т. 10. Рождаемость. Кн. 1. М. : ИИЦ «Статистика России», 2013. С. 7, 137, 147, 155, 163, 165, 167, 169; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. в 11 т. Т. 10. Рождаемость. Кн. 2. М. : ИИЦ «Статистика России», 2013. С. 877, 879, 883, 891, 1173, 1175, 1177, 1179, 1221, 1225, 1237, 1239, 1253, 1255, 1259, 1261, 1265, 1267, 1269, 1271, 1273.

Между тем определенное влияние на демографическую динамику оказывала и миграция. В 1990-е гг., в особенности в первой половине десятилетия после распада Советского Союза и смягчения миграционной политики, усилился отток населения за пределы Российской Федерации. Переселенческое движение, главным образом, охватило немцев, в значительно меньшей мере – этносы Прибалтики. У поляков и прибалтийских народов большая часть желающих покинуть территорию Западной Сибири, скорее всего, реализовала свое намерение еще в советский период, поэтому пространственные перемещения в снижении их численности играли наименьшую роль.

В демографическом развитии **алтайцев, казахов и шорцев** ведущую роль играл естественный прирост, снижение которого хотя и оказалось заметным, но не достигло такого уровня как, например, у славянских и приволжских народов, благодаря частичному сохранению традиционных воспроизводственных моделей поведения. Так, у казахов итоговая рождаемость, судя по данным отдельных регионов, была больше, чем у русских, украинцев или татар (табл. 2). У алтайцев, проживавших преимущественно в Республике Алтай, среднее число рожденных детей было еще выше: у 45–49 летних – 2 463, а у 40–44 летних – 2 361 ребенок на тысячу женщин этого возраста, у шорцев (Кемеровская область) – соответственно 1 998 и 2 018.

Процесс смены этнического самоопределения у казахов и алтайцев в силу многих причин шел медлен-

нее. В среднем по Западной Сибири (без Кемеровской области) в 2010 г. доля казахов, признавших родным русский язык, составила только 22,7%, у алтайцев (Республика Алтай) этот показатель был еще ниже – 12,3%. Анализ текущего учета за 1979 г. выявил высокую долю моноэтничных браков. Ассимиляционными процессами сильнее всего оказались затронуты шорцы, у которых русский язык стал родным для 64,3% (Кузбасс) населения. В итоге за 20 лет количество казахов и алтайцев увеличилось на 1,5 и 7,7%, а шорцев – снизилось на 16%. И это с учетом того, что в составе алтайцев в 2010 г., например, не были учтены кумандинцы и телеуты. Еще одной особенностью данных народов являлся невысокий уровень миграционной мобильности. За пределами традиционных мест проживания их численность повышалась медленно. Например, в Тюменской области, экономически наиболее привлекательном регионе Западной Сибири, в 2010 г. были учтены только 14,5% казахов экономического района, 91 алтаец (из 72,3 тыс. чел.) и 77 шорцев (из 11,1 тыс. чел.).

Распад Советского Союза, социально-экономические и политические преобразования значительно ускорили сокращение численности **евреев**. В 2010 г. на территории России было учтено только 156,8 тыс. представителей этого народа, по сравнению с 536,8 тыс. чел., отмеченных в последней советской переписи (–70,8%), а в Западной Сибири – всего 7,5 тыс. чел. (–67,8%). Таким образом, произошло бо-

более чем трехкратное сокращение их численности. Кроме ухудшения процессов воспроизводства, повсеместно охватившего все население Российской Федерации и ассимиляции, как и в случае с немецким этносом, определенную роль в депопуляции евреев сыграла и эмиграция за пределы постсоветского пространства. За 1989–2010 гг. среди других крупных национальностей Западной Сибири на 12,7% увеличилась численность **цыган**, а представительство **молдаван**, наоборот, снизилось на 20,7%.

Социально-экономические, политические и демографические последствия системных реформ оказались настолько сильными, что привели к возникновению новых явлений в национальном составе населения России и Западной Сибири в частности. При заметном снижении участия народов, прежде игравших весомую роль в хозяйственном освоении экономического района, в его демографическом развитии повысился вклад этносов Кавказа и Средней Азии. В 1990-е гг. под влиянием целого комплекса разнообразных причин произошел рост их миграционной мобильности.

Больше всего возросла численность народов, в титульных государствах которых сложилась неблагоприятная политическая обстановка или разразились военные конфликты. Так, количественное представительство **армян** в Западной Сибири возросло в 3,4 раза, **азербайджанцев** – в 2 раза, **таджиков** – в 7,8 раза. Рост интенсивности трудовых миграций из Средней Азии с конца 1990-х гг. прежде всего отразился на численности **киргизов** (рост в 3,6 раза) и **узбеков** (рост в 2,7 раза). Одновременно с этим повысилось представительство некоторых этносов, проживающих преимущественно в российских северокавказских республиках. Так, основных **дагестанских народов** (аварцев, даргинцев, кумыков и лезгин) за 20 лет стало больше в 3,3 раза, **чеченцев** – на 60,2%.

Таким образом, экономическое освоение слабозаселенных в хозяйственном отношении регионов Западной Сибири требовало привлечения значительного количества демографических ресурсов, источниками которых на первых порах, как правило, являлись трудоизбыточные европейские районы страны. На первоначальных этапах в аграрной колонизации и индустриализации восточных районов, кроме русских, приняли активное участие народы, уже довольно давно интегрированные в жизнь российского общества, культурно и исторически близкие к доминирующему этносу, об-

ладающие высокой миграционной мобильностью (славянские, прибалтийские, поволжские и другие народы). В последующем, по мере реализации политики смещения производительных сил на восток в послевоенный период, состав участников хозяйственного освоения стал постепенно меняться. Наряду с прежними этносами в подъеме экономического потенциала Западной Сибири стали активнее принимать участие национальности, проживающие преимущественно в кавказских и центральноазиатских республиках. Одновременно с этим снизилась переселенческая активность прибалтийских и некоторых других народов, значительно ускорились ассимиляционные процессы, особенно среди национальностей, уже давно участвующих в освоении востока страны.

Распад Советского Союза на отдельные государства не мог не отразиться на национальном составе населения Западной Сибири. Возникшие пограничные барьеры затруднили перемещение населения, а следовательно, и миграцию народов бывших европейских союзных республик СССР в экономический район. Трансформация командно-административной системы и смена государственной хозяйственной парадигмы в пользу рыночных принципов, которые подразумевают самообеспечение регионов, снизили привлекательность восточных районов и стимулировали отток населения, а облегчение визового режима привело к эмиграции в дальнее зарубежье значительной части немцев и евреев. В первом десятилетии XXI в. вопрос хозяйственного подъема Сибири (в том числе и Западной) вновь становится актуальным. Однако демографический потенциал европейских территорий и других традиционных регионов-доноров за годы реформ оказался сильно ослабленным.

Кроме того, по уровню экономического развития они, если и уступали сибирским территориям, то незначительно. Одновременно с этим хозяйственное и внутривнутриполитическое положение на Кавказе и в Центральной Азии складывалось менее благоприятно, что способствовало, несмотря на возникновение границ, притоку трудовых ресурсов из них в восточные районы страны. Таким образом, в новых условиях формирование национального состава населения Западной Сибири, при сохранении ведущего положения русского народа, стало происходить под влиянием новых демографических трендов, а также ассимиляционных процессов, которые значительно ускорились после дезинтеграции Советского Союза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Население России в XX веке. Исторические очерки : в 3 т. М. : РОССПЭН, 2012. Т. 3, кн. 2. 1991–2000 гг. 399 с.
2. Население России 2003–2004. Одиннадцатый–двенадцатый ежегодный демографический доклад / под ред. А.Г. Вишневого. М. : Наука, 2006. 356 с.
3. Население России 2010–2011. Восемнадцатый–девятнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневский. М. : Изд-во ВШЭ, 2013. 530 с.
4. Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве / под ред. Л.Л. Рыбаковского. М. : Academia, 2009. 432 с.
5. Томилов Н.А. Казахи Западной Сибири в XVI–XX вв. // От Урала до Енисея (народы Западной и Средней Сибири). Томск : Изд-во ТГУ, 1995. Кн. 1. 186 с.
6. Смирнова Т.Б. Немцы Сибири: этнические процессы и этнокультурное взаимодействие. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 88 с.
7. Лоткин И.В. Прибалтийская диаспора Сибири: история и современность : учеб. пособие. Омск : ОГУ, 2003. 164 с.

8. Кабузан В.М. Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века – 1989 год: формирование этнических и политических границ украинского этноса. М. : Наука, 2006. 658 с.
9. Октябрьская И.В., Соболева С.В., Антропов Е.В. Оценка рисков и перспектив развития человеческого потенциала г. Новосибирска в контексте современной миграционной ситуации в Сибирском Федеральном округе // Сибирские исторические исследования. 2015. № 2. С. 8–27.
10. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2005. 311 с.
11. Фурсова Е.Ф. Белорусские переселенцы Приобья: проблемы культурной интерференции // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2000. Т. VI. С. 536–542.
12. Население России в XX веке. Исторические очерки : в 3 т. 1980–1990. М. : РОССПЭН, 2011. Т. 3, кн. 2. 295 с.
13. Дашинамжилов О.Б., Лыгденова В.В. Динамика изменения этнического состава населения Сибири в 1989–2010 гг. // Социологические исследования. 2012. № 10. С. 150–154.
14. Демографический ежегодник России. 2009. Стат. сб. М. : Росстат, 2009. 557 с.
15. Численность населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М. : РИИЦ, 1990. 378 с.
16. Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Стат. сб. М. : ИИЦ «Статистика России», 2011. 87 с.
17. Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. М. : Госкомстат России, 1994. 419 с.
18. Демографический ежегодник России. Стат. сб. М. : Госкомстат России, 1997. 580 с.
19. Демографический ежегодник России. Стат. сб. М. : Госкомстат России, 2000. 405 с.
20. Демографический ежегодник России. 2002. Стат. сб. М. : Госкомстат России, 2002. 397 с.
21. Переведенцев В.И. О влиянии современных миграций на этнический состав населения Западной Сибири. М., 1964.
22. Национальный состав населения : стат. сб. Кемерово : Кемеровостат, 2013. Ч. 1. 203 с.

Dashinamzhilov Odon B. Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: odon@bk.ru; *Lygdenova Victoria V.* Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

ETHNICAL DEMOGRAPHIC PROCESSES IN WESTERN SIBERIA IN POST-SOVIET PERIOD (1989–2010).

Keywords: national composition; population; demography; Western Siberia; urbanization.

National composition of the population of Western Siberia is considered in the article that is offered to the readers. The aim of the article is to research dynamics of ethnical structure of economic region in post-Soviet period. Demographic processes among the major nationalities in a number proportion are in the center of our attention. Indigenous peoples of the North will not be considered in the paper because transformation of their number in post-Soviet period is a topic of the separate work. The authors used published and non-published materials of the all-Union Census and all-Russian Census of the population in 1989-2010-s that were elicited from central and regional archives and libraries. Statistical index of number dynamics and unit weight of major peoples are revealed in the article as in general as in regional line. Cause-and-effect connections between important events in the history of researched economic region, particularly, economic and political actions of central state bodies and number composition of separate ethnical groups are researched. Impact of essentially demographic factors on the change of national structure of the population of Western Siberia, including migration, natural increase, and assimilation are researched. It is concluded that collapse of the Soviet Union entailed definite changes in national composition of Western Siberian population. The appeared border barriers made the population's movement difficult and, consequently, migration of the peoples of the former European Union republics of the USSR to economic region. Transformation of command-administrative system and change of state economic paradigm to the profit of market principles that mean the regions' self-sufficiency decreased attraction of Eastern regions and stimulated the population's flow-out, and easing of visa regime led to immigration of the major part of Germans and Jews to foreign countries. In the first decade of the XXI century the question of economic rise of Siberia (including the Western) becomes urgent again. However, demographic potential of European territories and other traditional – donor-regions turned to be extremely weak after reforms period. Besides, according to the level of economic development they did not yield to Siberian territories significantly. At the same time economic and internal political situation in Caucasus and Central Asia was less favorable, and it promoted to inflow of their labor resources to eastern parts of the country despite the borders building. In new conditions formation of national composition of the population of Western Siberia, where the leading position belongs to Russians, was formed under new demographic trends and also assimilative processes that significantly quickened after disintegration of the Soviet Union.

REFERENCES

1. Polyakov, Yu.A. (ed.) (2012) *Naselenie Rossii v XX veke. Istoricheskie ocherki : v 3 t. 1991–2000* [The population of Russia in the 20th century. Historical Essays: In 3 vols. 1991–2000]. Vol. 3(2). Moscow: ROSSPEN.
2. Vishnevsky, A.G. (2006) *Naselenie Rossii 2003–2004. Odinnadtsatyy–dvenadtsatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad* [The population of Russia in 2003–2004. The 11th-12th demographic report]. Moscow: Nauka.
3. Vishnevsky, A.G. (2013) *Naselenie Rossii 2010–2011. Vosemnadtsatyy–devyatnadtsatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad* [The population of Russia in 2010–2011. The 18th-19th Annual Demographic Report]. Moscow: HSE.
4. Rybakovsky, L.L. (2009) *Transformatsiya migratsionnykh protsessov na postsovetском prostranstve* [Transformation of migration processes in the former Soviet Union]. Moscow: Academia.
5. Tomilov, N.A. (1995) *Kazakhi Zapadnoy Sibiri v XVI–XX vv.* [Kazakhs of Western Siberia in the 16th – 20th centuries]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Ot Urala do Eniseya (narody Zapadnoy i Sredney Sibiri)* [From the Urals to the Yenisey (the nations of Western and Central Siberia)]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Smirnova, T.B. (2003) *Nemtsy Sibiri: etnicheskie protsessy i etnokul'turnoe vzaimodeystvie* [The Germans in Siberia: Ethnic processes and ethnic and cultural interaction]. Novosibirsk: SB RAS.
7. Lotkin, I.V. (2003) *Pribaltiyskaya diaspora Sibiri: istoriya i sovremennost'* [The Baltic diaspora in Siberia: History and modernity]. Omsk: Omsk State University.
8. Kabuzan, V.M. (2006) *Ukraintsy v mire: dinamika chislennosti i rasseleniya. 20-e gody XVIII veka – 1989 god: formirovanie etnicheskikh i politicheskikh granits ukrainskogo etnosa* [The Ukrainians in the world: The population dynamics and settlement. The twentieth of the 18th century – 1989: The formation of ethnic and political boundaries of the Ukrainian ethnos]. Moscow: Nauka.
9. Oktyabrskaya, I.V., Soboлева, S.V. & Antropov, E.V. (2015) The evaluation of risks and prospects for development of human potential of the city of Novosibirsk in the context of contemporary migration in the Siberian Federal District. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 2. pp. 8-27. (In Russian).
10. Sherstova, L.I. (2005) *Tyurki i russkie v Yuzhnoy Sibiri: etnopoliticheskie protsessy i etnokul'turnaya dinamika XVII – nachala XX veka* [Turks and Russians in Southern Siberia: Ethno-political and ethno-cultural dynamics of the processes in the 17th – early 20th centuries]. Novosibirsk: SB RAS.

11. Fursova, E.F. (2000) Belorusskie pereselentsy Priob'ya: problemy kul'turnoy interferentsii [Belarusian immigrants in the Ob Area: Problems of cultural interference]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and neighbouring regions]. Vol. 6. pp. 536-542.
12. Polyakov, Yu.A. (ed.) (2011) *Naselenie Rossii v XX veke. Istoricheskie ocherki : v 3 t. 1980–1990* [The population of Russia in the 20th century. Historical Essays: In 3 vols. 1980–1990]. Vol. 3(2). Moscow: ROSSPEN.
13. Dashinamzhilov, O.B. & Lygdenova, V.V. (2012) Dinamika izmeneniya etnicheskogo sostava naseleniya Sibiri v 1989–2010 gg. [Changes in the ethnic composition of Siberian population in 1989–2010]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 10. pp. 150-154.
14. Surinov, A.E. et al. (eds) (2009) *Demograficheskiy ezhegodnik Rossii. 2009. Stat. sb.* [The Demographic Yearbook of Russia. Statistical Handbook]. Moscow: Rosstat.
15. State Statistics Committee of the USSR. (1989) *Chislennost' naseleniya RSFSR. Po dannym Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1989 goda* [The number of population of the RSFSR. According to the All-Union 1989 census]. Moscow: RIITs.
16. State Statistics Committee of the Russian Federation. (2011) *Predvaritel'nye itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda* [Preliminary results of the 2010 National Population Census]. Moscow: Statistika Rossii.
17. State Statistics Committee of the Russian Federation. (1994) *Demograficheskiy ezhegodnik Rossiyskoy Federatsii. 1993* [Demographic Yearbook of the Russian Federation. (1993)]. Moscow: Goskomstat Rossii.
18. State Statistics Committee of the Russian Federation. (1997) *Demograficheskiy ezhegodnik Rossii* [Demographic Yearbook of the Russian Federation. 1997]. Moscow: Goskomstat Rossii.
19. State Statistics Committee of the Russian Federation. (2000) *Demograficheskiy ezhegodnik Rossii* [Demographic Yearbook of the Russian Federation]. Moscow: Goskomstat Rossii.
20. State Statistics Committee of the Russian Federation. (2002) *Demograficheskiy ezhegodnik Rossii. 2002* [Demographic Yearbook of the Russian Federation. 2002]. Moscow: Goskomstat Rossii.
21. Perevedentsev, V.I. (1964) *O vliyaniy sovremennykh migratsiy na etnicheskii sostav naseleniya Zapadnoy Sibiri* [The influence of modern migration on the ethnic composition of the population of Western Siberia]. Moscow: [s.l.].
22. *Kemerovostat*. (2013) *Natsional'nyy sostav naseleniya* [National composition of the population]. Kemerovo: Kemerovostat.